

К этому времени я полностью потеряла аппетит. Когда я вставляла ключ на место, я подумала, что это безумие. О чем, черт возьми, думал автор этого места в тексте романа?

Я вернулась в свою комнату и с размаху плюхнулась на кровать.

‘Почему Малыш не убрал эту свою комнату, не привел ее в надлежащий красивый вид?’

Он не должен был вот так заканчивать эксперимент. Хотя, может быть я просто думаю и рассуждаю как женщина...

Экспериментальные записи были развешаны как украшения. Не было никакого способа, чтобы объяснить это чем-то иным, нежели, что Малыш преследовал какой-то план. Совершенно очевидно, что они были собраны вместе специально. Я не могла понять, каковы были его намерения, не могла разгадать его...

Чтобы он не забыл своего врага? Было ли это его основным желанием?

Я закрыла голову руками, мне охватило ужасно чувство тоски и одиночества. Я уже надеялась, что Сениэль или кто-нибудь еще скоро придет, потому что мне было слишком страшно оставаться одной.

Внезапно я вспомнила один фильм ужасов, который однажды я смотрела. В этом фильме описывался главный герой, который был настолько не в своем уме, что стал реальным сумасшедшим и оказался в санатории, хотя точнее этот санаторий надо было назвать психбольницей.

Я должна успокоиться, я непременно должна взять себя в руки и успокоиться... Чтобы привести себя в чувство я сильно хлопнула себя по щеке, отвесив себе звонкую пощечину.

‘Если я собираюсь сойти с ума, то лучше я лишусь его на корабле контрабандистов, чем здесь, в этой юдоли скорби и отчаяния! Значит, теперь я должна сосредоточиться на выживании!’

Через некоторое время вошел Сениэль. Я поприветствовала Сениэля натянутой искусственной улыбкой.

“Ты дома?”

“Ты меня долго ждал? Мне жаль. ”

“Все в порядке. Меня давно здесь не было. Присаживайся.”

Казалось, что постоянные извинения по любому поводу становятся его привычкой. Мне такая привычка тоже не нравилась.

Я бездумно уставилась на Сениэля, поскольку ранее видела записи экспериментов. Мой взгляд, естественно, опустился и коснулся его хорошо ухоженных рук и его вытянутых пальцев. Итак, вот как...

“Виви, ты плохо выглядишь. Ты заболела?”

Я? Разве твоим пальцам не было бы больнее, чем мне, когда их резали в экспериментальных целях?...

“... Ах, нет. Иногда бывает вот так. Не волнуйся. Кстати, теперь ты начал меня называть по имени, привык называть по имени. Это хорошо ”.

Встревоженный взгляд Сениэя тронул меня. Я стала уклоняться от его глаз, делать веселое выражение лица, улыбаться его словам...

Ужин подали быстро, и я неловким жестом зачерпнула еду, расплескав по пути до своей чашки несколько капель соуса.

‘На самом деле, мне его жаль’.

Парень был угрозой для меня, поэтому я не могла просто пожалеть Сениэля, но он реально выглядел таким жалким.

‘Повстречайся скорее с главной женской ролью как можно скорее и будь спасен, бедняга’.

“У меня что-то на лице?”

Должно быть, я смотрела на него, сама не осознавая этого. Он посмотрел мне в глаза, потом своей рукой дотронулся до своего лица.

“Ах, это ерунда. Ты просто выглядишь привлекательно. Ты – красивый...”

“Что?”

“Что?”

Что я сказала? Я не могла вспомнить, что говорил раньше, потому мои собственные слова ошеломили меня саму. Я просто и незатейливо кивнула на его вопрос, в то время как он смотрел на меня с ошарашенным выражением лица и поджатыми губами, прежде чем снова успокоиться и вернуться к трапезе.

Время еды вскоре закончилось. Поскольку я даже не пыталась поговорить с ним, разговора за ужином не было. Только в конце совместного ужина Сениэль произнес свои слова. “Есть ли что-нибудь еще, что мне нужно сделать сегодня?”

“Ах, если только это”.

Я достала цветок, лежащий на стуле рядом со мной. Даже в моем измученном состоянии я все еще помнила, что нужно было приготовить цветы.

Я приготовила другой цветок на случай, если Малыш подумает, что я подарила ему только тот же цветок. Кстати, я не знал этого сорта. Я просто срезала что-то с клумбы.

“Просто поставьте это в вазу, как вчера”.

“Хорошо”. Сениэль получил цветы с грустным выражением на лице. О, ты хороший, послушный мальчик.

После того, как я почти ничего не съела, я встала со своего места, потому что мой желудок ничего не мог с этим поделать. Сениэль встал со своего места и последовал за мной, как и

вчера.

Затем я вскоре остановилась, оглянулась и протянула руку Сениэлю. Он просто подозрительно посмотрел на мою руку.

“Давайте пожмем друг другу руки”.

“... Что? О, да.”

Сениэль был настроен скептически и настороженно, но очень хорошо мне подчинялся. Бедняжка. Его большая, твердая рука схватила мою руку.

Когда я схватил ее за руку, я вдруг нечаянно пробормотала. “Ты прожил очень тяжелую жизнь”.

Сениэль посмотрел на меня в замешательстве, и я покачала головой, как будто ничего не произошло в ответ. Я сжала его руки и слегка потрясла их.

“Давайте продолжим упорно бороться за выживание”.

Я ушла, слегка похлопав его по плечу. Ты, который так же беден и жалок, как и я — Нет, ты гораздо более жалок и беден, чем я, да, более...

Поднимаясь по лестнице, я задавалась вопросом, правильно ли с моей стороны подбадривать Сениэля, чтобы он продолжал жить, но я не отказалась от этого. Теперь он просто выглядел как обычный человек.

С наступлением ночи в комнате воцарилась холодная атмосфера. Я хотела зажечь свечу, но не смогла, потому что боялась прикоснуться к духу Малыша.

Как и в первый день, я дрожала, завернувшись в одеяло. Я вспомнила Малыша, который убивал разными способами, а затем я вспомнила, что именно многие люди сделали с ним. Меня прошиб холодный пот.

‘Он, вероятно, не заметил’.

Я боялась, что Малыш мог заметить, что я заходила в комнату. Он был сообразительным, поэтому сразу заметил бы, если бы было что-то странное. Я ужасно сожалела, что позволила совершить себе эту ужасную авантюру с комнатой.

‘Мама’.

Я даже подумала, что было бы лучше, если бы Малыш пришел быстро, пригрозил мне чем-нибудь и быстро ушел. Просто дрожать, ничего не зная о ситуации, было слишком мучительно.

Время шло.

‘Ха... Хухуху ...’

Солнечный свет лился сквозь слегка приоткрытую занавеску.

Этот Парень не пришел ко мне даже после того, как я не спала всю ночь, дрожа от страха. Это

было очень утомительно.

Тук-тук-тук, - я услышал стук в дверь.

‘На этот раз Малыш пришел утром?’

Но эта мысль вскоре исчезла. Потому что Малыш не стал бы вежливо стучать в дверь. Я убрала электрошокер и сказал гостю войти.

Как и ожидалось, это был Сениэль.

Он подошел ко мне со слезами на глазах, которые не соответствовали его высокому росту. Его красивое лицо и слезы довольно хорошо смотрелись вместе.

В любом случае. О, ты хороший мальчик. Только после того, как я увидела его лицо, все напряжение в моем теле ушло.

Я тоже рад тебя видеть. А еще приятно видеть твое лицо утром.

Я не должна радоваться, потому что Сениэль был Малышом, и наоборот. Но было действительно приятно увидеть его. Потому что это означало, что сегодня я благополучно выжила. Еще один день жизни впереди!..

В отличие от прошлого утра, когда он ходил с растрепанными волосами, Сениэль на этот раз красиво уложил волосы. Возможно, Малыш не появлялся прошлой ночью.

Сениэль, вероятно, не знал этого и все равно примчался сюда, чтобы проведать меня со слезами.

Мое впечатление о нем изменилось с первого дня, и я даже подумала о том, чтобы обнять его и похлопать его по плечу, но вовремя остановила себя. В конце-концов в мои обязанности не входило утешать его.

Было бы очень важно, чтобы бы Сениэль даже не влюбился в меня. Такого рода отношения между ним и мной были в самый раз.

“Если ты закончил плакать, тебе лучше уйти сейчас. Тебе нужно идти на работу”.

“Прошу прощения за грубость”.

Мне действительно жаль, что мне всегда приходилось это делать, - тихо пробормотал он, поднимая лицо, которое было опущено в поклоне. Мои холодные слова совсем не задели его. Скорее, он изобразил слабую улыбку, как будто был действительно счастлив. Зная все о его ситуации, но притворяясь, что я ничего не подозреваю, меня кольнула совесть. Сострадание во мне подняло голову, но ничего не изменилось.

“Ты ведь тоже знаешь, что будет сегодня вечером, верно?”

“Да. Мы поужинаем вместе. Спасибо тебе, Виви.”

Спасибо, сказал он.

Я махнула рукой и отпустила его. В отличие от его прихода, его уход был тихим. Я слегка вздохнула, глядя на его спину.

Я была не против еще одной бессонной ночи. То, о чем я думала, это только дрожать от страха всю ночь напролет. Рассеянно лежа на кровати, я моргнула.

‘Завтра годовщина предыдущего маркиза ...’

Отец Сениэля, бывший маркиз и верховный жрец. Он был бессердечным отцом, который стремился к чести, жаждал власти своего сына и экспериментировал со своим сыном.

Если бы был кто-то, кто мог бы его остановить, Сениэль вырос бы хорошим мальчиком, не подозревая о существовании Малыша.

Я продолжала абсурдно размышлять, глядя в воздух, а затем остановилась. Это была неподтвержденная гипотеза. Это все было в романе. Если бы автор не создал такой обстановки, этого места вообще бы не существовало.

Я решила снова мыслить реалистично.

‘В годовщину Малыш выйдет и все испортит’.

Я все-таки была очень напугана. Насколько диким он был бы? Было бы еще более странно, если бы он не буйствовал. Его отец был тем, кто провел такой нелепый и жестокий эксперимент. Неудивительно, что он не мог усидеть на месте.

‘Странно, что Сениэль все еще добр после подобных экспериментов’.

Из-за эксперимента его добро и зло были разделены, и Сениэль был хорошей стороной. Почему он не взбунтовался до этого? Если бы он был таким способным, разве он не мог просто избавиться от всех и сбежать? Ах, был факт, что убийство сделало бы святую силу бесполезной. Однако я слышала, что священники также участвовали в войне.

Было ли это бесполезно, потому что существовала такая вещь, как ограничения?

Ах. Мои мысли снова ушли далеко. Был Сениэль добрым или нет, ко мне это не имело никакого отношения.

Я встала, чувствуя сильную усталость во всем своем теле.

Мне нужно было больше защитного снаряжения, чтобы подготовиться к Малышу, который мог взбеситься, например, шейный платок и другие шокирующие или удерживающие приспособления.